

ВОСЕМНАДЦАТЬ ГРАДУСОВ

18°

*Новелла о мире, которого нет
и который будет вечно.*

Дмитрий Попов

Восемнадцать градусов

<https://litres.ru/74396143>

SelfPub; 2026

Аннотация

Это произведение «Восемнадцать градусов» по сути не столько о фантастическом мире, сколько о том, что делает реальность реальностью.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Восемнадцать градусов

Глава

ВОСЕМНАДЦАТЬ ГРАДУСОВ

Новелла о мире, которого нет и который будет вечно.

Часть I. Мир

Мир Саввы просыпался медленно, как просыпается тесто под тёплой тканью льняного полотенца. Свет входил в комнату не прямо, а сквозь дымку, будто само солнце помнило, что резкость ни к чему хорошему не приводит. Восемнадцать градусов. Так было всегда, так было везде — в спальне, в мастерской, в переулках между домами, сложенными из тёплого камня. Ни жары, ни холода, только эта ровная, бережная температура, в которой тело забывало о себе.

Керамическая чашка в руках Саввы была тёплой не от чая, а просто от того, что всё в этом доме хранило тепло подолгу. Латунная ручка двери, на которую он опирался, отполированная годами прикосновений, поплёскивала тускло, без вызова. Искра, так звали его жену, стояла у окна, и рыжие волосы её казались единственным пламенем, которое этому миру было позволено. Рядом с ней сидели сыновья, Матвей читал вслух, негромко, будто боялся потревожить сам воздух, а Егор просто слушал, обхватив колени руками.

Никто здесь никуда не спешил. Спешить было некуда — и не к чему.

Город

Благород не был городом в привычном смысле — в нём не было ни площадей для парадов, ни широких проспектов, рассчитанных на спешку. Улицы здесь вились неторопливо, будто прокладывались не по плану, а по тому, как ходили ноги — между домами из тёплого песчаника, крытыми черепицей цвета обожжённой глины. Ставни были деревянными, с петлями из бронзы и стали, и на каждой двери — не номер, а маленькая табличка, где хозяин коротко писал не своё имя, а то, чем он живёт для соседей. «Здесь делают тишину» — гласила табличка на доме старого мастера Аристарха, который всю жизнь собирал музыкальные шкатулки и духовые инструменты, звучащие настолько мягко, что их можно было слушать даже ночью, не боясь разбудить ребёнка. «Здесь хранят тепло» — было выведено на двери ткачихи Вербы, седой женщины с руками, огрубевшими от шерсти и веретена, которая всегда знала, кому в квартале нужен новый плед раньше, чем тот успевал замёрзнуть.

По утрам Благород пах не кофе и не гарью машин, а тёплым хлебом и молоком. На площади у колодца гончары выставляли свежий обжиг, и всякий, кому нужна была чашка или ваза, мог просто взять, оставив что-то своё взамен, а мог и не оставлять — никто не считал. Молодой Кузьма, разводивший коз на восточной окраине, оставлял крынки моло-

ка на порогах, донце крынки глухо звякало о камень, и это было единственным звонком, единственным сигналом, который город позволял себе по утрам. Дети бежали к воротам школы не потому, что боялись опоздать — здесь не было такого понятия — а потому что там их ждал старик-часовщик, чинивший городские механизмы, вечно рассказывающий что-то из старых книг, которые сам же и переплетал заново, когда кожа на обложке протиралась от времени.

Одевались в Благороде просто, но не бедно — холст, шерсть, редко лён, всегда в оттенках земли: бежевый, охра, приглушённый хаки, изредка тёмно-коричневый, как кора старого дуба. Ни одной синтетической нити, ни одного яркого пятна — кроме, пожалуй, рыжих волос Искры, которые в этом городе были едва ли не единственным вызовом всей его палитре, единственным, что не пыталось раствориться в общем тоне.

По вечерам никто не спешил домой — потому что все уже были дома, где бы ни находились. Соседи заходили друг к другу без приглашения и без стука, приносили то хлеб, то вино, то просто слово, и уходили, когда чувствовали, что пора, — никто никогда не смотрел на часы, потому что часы в Благороде служили не для того, чтобы отмерять чужое время, а чтобы просто быть красивыми, тикать мягко и напоминать, что время здесь течёт, но никого не преследует.

Роль Саввы

Если Благород был телом, то Сава был его руками — не

создателем нового, а тем, кто хранил старое живым. К нему несли всё: сломанный ворот колодца, что скрипел третью неделю, часы Аристарха, забывшие ход времени, дверную петлю у Вербы, разболтавшуюся от старости. Он не изобретал — в Благороде вообще мало кто изобретал, — он чинил, налаживал, возвращал вещам их изначальный, тихий ритм. Руки его знали металл лучше, чем знали покой, — широкие ладони, покрытые мелкими шрамами от инструментов, пальцы, привыкшие чувствовать, где деталь ещё держится, а где вот-вот сдастся.

Соседи шли к нему не только с механизмами. Приходили с вопросами — как укрепить крышу, если зима будет суровой, хотя суровых зим в Благороде не помнили; как объяснить сыну, почему девочка, которая ему нравится, вдруг замкнулась в себе; стоит ли пересаживать грушу ближе к дому. Сава отвечал на всё — не потому, что знал наверняка, а потому что умел слушать вопрос внимательнее, чем сам вопрошающий, и в этом внимании уже был почти весь ответ. Его называли, беззлобно, в шутку, «энциклопедией Благорода» — и он не спорил, потому что в этом было что-то правдивое: он действительно хранил в себе знание не книжное, а то, что накапливается в руках и в тишине долгих вечеров.

Дома, для Матвея и Егора, он был чем-то ещё большим — не просто отцом, а той самой опорой, к которой прислоняешься, даже не думая об этом, просто зная, что она есть. Он мог объяснить, почему сталь звенит иначе, чем латунь,

и мог, так же спокойно, объяснить, что такое первая любовь и почему она иногда причиняет боль без всякой вины. Для Искры он был тем единственным зрителем, чьё мнение имело вес прежде, чем высохнет глина, — её не интересовало мнение города, ей нужен был только его кивок, его тихое «да, выдержит».

Он не был важнее других в Благороде — здесь никто не был важнее, — но был необходим так, как необходима тишина после долгого дня.

Часы Вербы

Верба пришла под вечер, когда свет уже начинал густеть, переходя из белёсого в тёплый охристый. В руках она держала часы — не карманные, а те самые, настенные, с кукушкой из липы, которые достались ей от матери и должны были достаться внучке.

— Стоят, а до Родиона часовщика идти далеко, — сказала она просто, протягивая их Саве через порог, будто передавала не механизм, а что-то живое, что перестало дышать.

Он взял их бережно, обеими руками, как берут птицу с перебитым крылом. Повернул, послушал тишину внутри — тишину, которая не должна была быть тишиной. — Пружина устала, — сказал он наконец. — Или шестерня сместилась. Дай посмотрю на свету.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.